

УЧЁБА

Дошкольная жизнь и школьная учёба.

Я научился в первую очередь читать и, соответственно с этим, писать печатными буквами. Конечно же я этим обязан моей маме, начавшей заниматься со мной грамотой с ранних детских лет. Лет пяти я серьёзно заболел скарлатиной и меня положили в детскую больницу города Саратова. А случилось так, что мой сосед и друг детства, - Юра Бекренёв, сын Сергея Дмитриевича и Антонины Трофимовны Богословской, врача терапевта, сестры Ивана Трофимовича Богословского, профессора медицины. Тётя Тоня как и раньше, пригласила к заболевшему Юре детского врача по фамилии Сурат. Он дал заключение, у Юры дифтерит и моя мама попросила посмотреть меня. Доктор Сурат определил, что у меня скарлатина и меня отправили в больницу для лечения. Таким образом, я впервые оказался вдали от дома. Вот тут- то и пригодилась моя грамота. Я писал маме письма печатными буквами, а она писала мне, встречаться было запрещено. Оказывается, что эта скарлатина очень опасна для жизни и заразная болезнь и непонятно откуда я её подцепил, т. к. дальше нашего двухэтажного дома меня не водили, кроме как во двор. Скорее всего это так называемое «поветрие», - перенос бактерий по воздуху, т. е. ветром. В первый класс 17-ой средней школы г. Саратова, располагавшейся на ул. Большой Горной за Глебучевым оврагом, в квартале, начинающемся от перекрестка ул. Радищевской, к р. Волге, я пошёл учиться в 1937 г. Мама приступила к работе учительницей на год раньше, т. е. в 1936-м году. Тогда все обложки тетрадей были украшены героями пушкинских произведений. Это было так здорово: князь Олег, прощающийся со своим конём; Руслан, одной рукой держащийся за бороду колдуна, а другой - волшебный меч; царевна на сером волке; Баба Яга, летящая в ступе; момент встречи князя Олега с кудесником; выход морского дядьки с дружиной и ещё многое другое. Это было выпущено в честь столетия со дня смерти поэта А.С. Пушкина. И вскоре началась странная возня. Школьники стали угадывать какие-то письмена в этих изображениях, будто бы порочащих Сталина и др. Я же смотрел и ничего подобного не находил. Чувствую какая-то. А по радиотрансляции несмолкаемо шли передачи о врагах народа. Запомнились слова: «Их могилы зарастут бурьяном и чертополохом». На нашей входной двери прикрепили лист с портретами двух депутатов: Стромина и Дубинина. Но вскоре сняли, т.к. Стромин, или оба, оказались врагами народа. На улице ребята говорили, что сгорел Комбикормовый завод. Потом говорили, что на Крекинговом заводе нашли врагов народа. Видимо началась болезнь похлеще, чем скарлатина и дифтерит. В этом году в моей жизни произошло много ярких событий: 1) Начало учёбы в школе. 2) Уже год я осваивал игру на скрипке и играл почти все звучащие по радио песни: „Любушка“, „Катюша“, и из кинофильмов: „Три танкиста“ и другие. 3) с папой пролетел на самолёте ПО-2, тогда его называли У-2, трёхместном от аэродрома через реку Волгу, над г. Энгельсом, где, сделав разворот, вернулись на аэродром. Я сидел на втором за лётчиком месте, а папа на третьем. Страховочный ремень лежал у меня на коленках. Впереди лобовое стекло, а с боков всё открыто, как в мотоциклетной коляске. Так здорово! Ни в какое сравнение не идёт с полётом в пассажирских самолётах, на которых мне позже приходилось летать: ЛИ-2; ИЛ-18; ТУ-104; и др. Я смотрел на р. Волгу сверху и она мне показалась не такой уж широкой, как её видишь стоя на земле. Впечатление осталось на всю жизнь очень ярким. 4) Я с

родителями побывал в г. Москве. Познакомился с родственниками: с семьёй брата папы - Евгения, его женой - тётёй Ритой, её мамой - Вандой Владиславовной, и моими двоюродными сёстрами - Инной и одно годовалой малышкой Элей, с братьями мамы и их семьями: дядей Колей-комбригом РККА и его женой тётёй Надей. И дядей Ваней, капитаном РККА, его женой тётёй Ритой и сыном Женей. Посмотрел вместе с родителями ВСХВ (Всесоюзную Сельскохозяйственную Выставку). Два дня ходили, осматривая павильоны, а вот в цветочный не пошли, где через 10 лет я побывал с сёстрами и был поражён обилием и разнообразием цветов. Где бы ни был, даже не представляешь себе такое множество разновидностей этого чуда природы,- цветов. Посмотрели станции метро. Проехали по кольцевому метро. Удивительное впечатление осталось от ярких гранитных и мраморных с фигурами и пейзажами станций. Одни лестницы-чудесницы (эскалаторы) удивляют, даже если бы не было всего остального, а тут ещё скоростные поезда с самооткрывающимися дверями! Впечатлений осталось огромное количество! Весь процесс учёбы в начальных классах проходил нормально. Единственно, что мне плохо удавалось,-это чистота в тетрадах, а всё остальное хорошо получалось. Я постоянно что-нибудь читал. В папиной библиотеке все классики были и был старый том А.С. Пушкина с фотографиями семьи поэта и его рисунками.

В этом томе только отсутствовала Гаврилада. Очень интересным был энциклопедический словарь Павленкова. Полные собрания сочинений: Некрасова, Лермонтова, Толстого, Тургенева, Маяковского, Помяловского и много отдельных томов разных писателей: Грибоедова, Твардовского, Бианки, Пришвина, Чехова, Чуковского, Эренбурга и др. Я кроме стихов из школьной программы, запомнил много других, которые мне нравились. Много времени у меня занимала скрипка. И на беговую дорожку по двору с ребятами времени оставалось очень мало. Удавалось с

другом Юрой посещать кинотеатры Ударник и Центральный и иногда Детский театр. У тётёи Тони, Юриной мамы, была контрамарка для посещения Детского театра и вот мы с Юрой пользовались этой возможностью изредка, посмотрев „Конёк-Горбун“ 2 или 3 раза, „По щучьему велению“ - 1 или 2 раза и один раз посмотрели „Кочубей“. Кроме того, мы зимой стали ходить с Юрой на каток в ДКА (Дом Красной Армии). Там была такая красота,

что трудно передать. Прекрасная освещённость, чистый гладкий лёд, яркие транспаранты, а главное, там делали заточку коньков. Мы оба в первый раз попав на этот каток, так измучились с тупыми коньками,- ноги разъезжались в стороны и мышцы так устали и сильно болели, что мы домой не шли, а кое-как тащились. Но, наточив коньки, стали понемногу осваивать этот вид спорта. А в 17-ой средней школе, я по решению мамы попал в класс Веры Николаевны Богатырёвой, учительницы с большим опытом работы. Она приучила нас, первоклашек, по счёту раз, два, три, поднимать правую руку с ручкой для письма, показывая учителю правильность держания в руке своей ручки. Перья применялись № 86, которые писали при нажиме утолщённую линию и волосяную линию без нажима. Поэтому у аккуратных писарей-учеников, письмо приближалось к идеально-красивому шрифту - эталонному, напечатанному в учебнике.

У неспособных к чистописанию учеников, вроде меня, летели брызги чернил с перьев, а зачастую и кляксы, пачкая тетрадный лист. Чернильницы с чернилами у каждого ученика были свои и у меня была своими руками связана шнурком затягивающаяся сеточка, в которой переносилась чернильница, а не в портфеле с тетрадками и книжками, чтобы их не испачкать чернилами, что раньше случалось. Класс был большой, - человек 30. Постоянными отличниками были Тамара Котина и Артур Асмус. В то довоенное время, оценки писались прописью: отлично, хорошо, посредственно, плохо и очень плохо. Я во всё время учёбы относился к

ударникам, т. к. у меня по письму и чистописанию выше оценки «хорошо» не случилось, а все остальные были - «отлично». В первом или во втором классе многие ученики стали октябрятами и оставались на разные собеседования после школьных занятий, а в третьем классе октябрята вступили в пионеры. Мы купили себе красные галстуки с металлическими застёжками-зажимами, с красным эмалевым пионерским костром. Галстуки с зажимами выглядели очень красиво. Они, аккуратно заправленные под воротник рубашки, сзади красный треугольник на спине, а спереди красиво развёрнутые в средней части, ровно располагались на груди пионеров.

Наша учительница, Вера Николаевна, была из культурной образованной семьи, жила она с дочерью Наташей и родным братом,- инженером-строителем ж/д мостов. Я спустя 10 лет навестил их, они жили в той же квартире на Малой Казачьей улице г. Саратова с братом, а Наташа вышла замуж за военного и жила отдельно своей семьёй. Брат Веры Николаевны узнав, что я приехал из города Кунгура, Пермской области, оживился и рассказал, что ж/д мост через реку Ирень в г. Кунгуре его конструкции и он же его строил. Вера Николаевна рассказала мне, что с год тому назад её с букетом цветов навестил один бывший ученик из нашего класса, уже житель города Москвы. Я ей сказал, что стал деревенским парнем и отстал по развитию, в связи с этим, от столичных жителей, поэтому не сообразил принести цветы. Вот случилось так, что я из среды городской, образованной интеллигенции превратился в колхозного пахаря, бороноволока, скирдоправа с образом мысли колхозного крестьянина. Я никогда не считал себя немцем и даже папа сказал, что нас это выселение не касается, когда поползли слухи о выселении немцев Поволжья в Сибирь, т. к. папа в 1-ую Мировую войну ушёл добровольцем на фронт, тогда это называлось вольноопределяющимся. Папу направили в школу прапорщиков, а затем на фронт, где он был ранен и награждён. Так выселение по сути оказалось незаконным, т. к. у нас имелись справки, выданные в 1914-ом году папе из архива о том, что наши предки прибыли в Поволжье в 1765 году из района Познани (Польша). Вот так была неожиданно прервана достойная жизнь с получением образования в средней школе, в вузе и в консерватории. Мало того, мы стали изгоями, не имеющими питания, одежды и обуви, а работать были обязаны бесплатно в колхозе, начиная с окончания 6-го класса, т.е. с 1943-го года. А сейчас годы несовершеннолетия выбросили из стажа работы. Где вы были, дорогие, в военное время? Это я к работникам СОБЕЗА. Умные стали после всего произошедшего, принимаете решение через 73 года после случившегося факта. Знаете пословицу: «После драки кулаками не машут». Вот так закончилась моя учёба в начальной школе. Дальше был кошмар переселения. Вывезли нас с двумя чемоданами и постельным свёртком на полупорке ГАЗ-АА на товарную станцию и по приходу эшелона двухосных товарных вагонов, мы заняли места на дощатых нарах в два этажа. Я забрался на 2 этаж к открытому окошку и так и занимал это место до прибытия в Новосибирскую область, на станцию Ояш - это в 100 км. за Новосибирском. Три недели везли через Казахстан с остановками в степи и редко на станциях. Настоящий ужас представляли эти остановки. Люди выскакивали из вагонов и бежали искать укромное место, а их этих укромных мест в степи не было и лезли все под вагоны и стар и мал и взрослые мужчины и женщины. Большого унижения невозможно себе представить, это было бедствие- унижение человеческого достоинства. Хуже не возможно себе представить. И наконец, через три недели, наш вагон и ещё два или три, отцепили на станции Ояш. Это бывший в то время районный центр. Люди высадились и стали ждать крестьянские подводы, для дальнейшего транспортирования в деревни Ояшинского района. А папа, устроившись в райлесхозе старшим бухгалтером, взял там лошадку и мы

устроились на квартиру в этом Ояше, где я поступил и закончил 5-й класс. Учёба шла хорошо, я не сдавал занятых в Саратове позиций, но возникали неприятности в учёбе, в связи с появлением в школе эвакуированных учителей. Люди с высшим образованием, показывая свою тупость, всячески пытались унижить переселенцев из Саратова, видя в них врагов. Так случилось, что я простудился и пропустил 2 или 3 дня, а учительница русского языка и литературы в эти дни дала задание выучить наизусть «Полтавский бой» А.С. Пушкина. Я, придя в школу, узнаю об этом от товарищей и, взяв учебник, вышел до начала уроков в укромное место. Память позволила заучить это довольно большое стихотворение, отрывок из поэмы «Полтава» и, как я и предполагал, меня она вызвала к доске первым и я прочёл его без запинки, чем она прямо была озадачена и поставила „отлично“. Зная, что я не был в школе, думала поставить мне плохо или очень плохо, но не получилось. Это не единственный случай, был целый ряд пакостей с её стороны. Так в учёбе прошла зима 1941-42г.г., но в конце зимы умерла моя бабушка Маргарита, мать папы и её похоронили на кладбище нашего пристанционного райцентра Ояш. А вскоре вышел новый Указ Президиума ВС СССР „Об освобождении граждан немецкой национальности с ответственных должностей“. И папа и мама потеряли работу по специальности. И тут же нас отправили ещё за 47 км. от станции Ояш в деревню, где ни хлебных, ни продуктовых карточек не дали,- живите, как хотите! Но на работу ходите ежедневно и работайте бесплатно. В колхозах зерна не было,- всё вывозилось под метёлку на элеватор, а на посев весной, семена получали на том же элеваторе, по размеру посевных площадей. Всё это контролировалось «уполминзагами», - вооружёнными людьми в полувоенной форме, уполномоченными министерства заготовок.

После прибытия в деревню, дней через 7, папу мобилизовали в трудармию, несмотря на бездействующую кисть левой руки,- результат травмы. И всё моё внимание было сосредоточено на учёбе в 6-м классе. К счастью, в библиотеке школы было много хороших книг и я читал насколько это было возможно, при отсутствии электричества. Пришлось наладить коптилку,- другого выхода не было. В деревне не только электричества, но и радио тоже не было. Мои ровесники не знали, что это такое и за исключением 2-х , 3-х человек, не умели расписаться, ставили крестики. Вот такая обстановка окружала нас с мамой. По её инициативе и под её нажимом, я пошёл учиться в 7-й класс, в ближайшее село за 17 км, т.к. в деревне школу 7-летку закрыли и оставили начальную 4-х летнюю. Так мы с мамой оказались в отдалении друг от друга на 17 километров. Я жил на квартирах: сначала у бывших в прошлом, ясашных, т. е. обрусевших татар, а потом рядом со школой у бабушки, жившей с внучатами. Учился я хорошо. И свидетельство об окончании получил такое, что в последствии в техникум был принят без экзаменов. А в то время, я, после окончания 6-го класса, по повестке отработал всё время до начала занятий в 7-м классе, в колхозе на сельскохозяйственных работах, где приходилось и жать зерновые культуры серпом и вязать снопы, ставить их в суслоны, для созревания, и возить снопы на конных телегах к скирде и подавать их на скирду вилами. И многое другое, - везть и клеетонить на зернотоку. А после окончания 7-го класса, учёба закончилась окончательно и я стал штатным колхозником - с 1944-го года. Стал работать на лошадях, подвозя со станции Ояш, горючее и смазочное для трактора, работавшего в колхозе. Занимался перевозкой снопов, зерна на элеватор. Возил солому и сено животноводству. На паре старых кляч пахал и боронил землю. И это длилось до июня 1946 года, который от военных лет ничем не отличался.

Ежегодно весной выручала молодая крапива и молодая лебеда, больше есть было нечего. Вещей для обмена с 1942 года не было. Обувь изнашивалась и пришлось перейти на лапти, которые изготавливала Ёлтышевская артель

«верёвочка». Зимой в лаптях было хорошо. Они лёгкие и для ходьбы удобные и на ходу ноги не мёрзнут. В 1946-м году появился Указ Президиума Верховного Совета СССР: «О воссоединении разрозненных войной семей». Вот папа и приехал за нами. И мы на товарных составах, т. к. пассажирских поездов в период В.О.В. не было, - поехали с пересадками из одного состава в другой, - на Запад в Молотовскую область, т. е. на Урал. Вот так складывалась наша жизнь.

Учеба.

В 1946-ом году, оказавшись в Кунгурском районе, Молотовской области, я стал готовиться к поступлению в Кунгурский машиностроительный техникум. Дело в том, что после окончания семилетки в 1944-м году, прошло 3 года, связанные с тяжёлой работой в сельском хозяйстве, при отсутствии необходимой одежды, питания и условий быта, что сказалось на запасе знаний, на здоровье и на образе мыслей. Это перевернуло с ног на голову всё существование. Хороший ученик, имевший одну четвёрку и все остальные пятёрки, превращённый чуть-ли не в дебила. Пришлось заново заучивать необходимый материал по математике, химии, физике и другим предметам. Геометрию я не забыл, с ней было проще. Я и сейчас помню все законы равенства и подобие треугольников. А о падении человека от знаний к дебильному состоянию, мне пришлось видеть, учась ещё в 6-м классе. За 2 года до моего прихода в эту сельскую школу, там работал преподаватель Сорокин и вот, в связи с его состоянием здоровья, он оставил работу в школе и был комиссован от призыва в Армию. Человек без работы, без средств к существованию, он стал просить подаяние, бродя в отрепьях по деревне. На Рождество он зашёл и к нам в рваном тулупчике, в рваной шапке и постояв минуту у порога, увидев нашу нищету, слегка улыбнулся и ушёл дальше по улице. Так голод отбирает у людей знания и массу человеческого тела. Появляются всякие болезни. Особенно быстро прицепляется туберкулёз, который в простонародье называется чахоткой: ужасно кашляя, человек худеет и чахнет. Второе бедствие в голодное время - это педикулёз, когда насекомые, неизвестно откуда взявшиеся, разводятся очень быстро, через сутки молодое насекомое становится бабушкой. И в период войны, при всех больницах были пункты по обработке одежды, это спасало людей от заболевания сыпным тифом, разносчиками которого были насекомые - вши. По прибытии на Урал, первый раз сев за стол с ржаным хлебом, я увлёкся им, что отцу пришлось предупредить меня об опасности получить кишечную травму. И я стал сдерживаться. С поступлением в маштехникум всё прошло гладко, меня приняли без экзаменов, а дальше пошло сложнее, многое забылось и пришлось сидеть над конспектами допоздна. Полгода пролетело незаметно и вот тут я разболелся так, что меня направили на проверку в районный тубдиспансер. Там, к счастью туберкулёза не нашли, это был отвратительный бронхит, мучивший меня почти всю зиму и я забрал свои документы из техникума. К тому же, сыграл роль перевод нашей группы на изучение холодной обработки металлов, т. е. "ХОМ"- по прозвищу хомяки, а меня тянуло к автотранспорту. И я поступил в школу механизации, - учиться на шофёра, где после истечения 3-х месячной учёбы, я получил удостоверение стажёра, тоже на 3 месяца, потому что не отъездил учебную езду полностью. В нашей группе только 4 человека были "штатскими", все остальные 20 были демобилизованными солдатами и офицерами Сов. Армии, прошедшими по нескольку лет войны. Их выправка меня восхищала, всегда подтянутые, стройные. Они дружно занимали себе очередь на учебную езду, так что молодым-безусым не удалось пройти всю учебную езду и стажировку в хозяйствах продлили до 3-х месяцев. Это несколько

не повредило учёбе по вождению, т. к. я поработал с тремя водителями и у каждого были свои особенности. Я участвовал и в ремонте ЗИС-ов и принимал участие в погрузке и разгрузке грузов, набирался опыта, который позже в работе очень пригодился. В период учёбы познакомился с преподавателями: Иваном Петровичем Периным, - знающим, умным, порядочным человеком, позже его назначили старшим автоинспектором Кунгурского района, он нам преподавал устройство автомобиля. Правила уличного движения и электрооборудование, нам преподавал Сергей Иванович Катыгин. Он частенько сопровождал изложение материала шутками или случаями из шофёрской жизни, что очень помогало запоминать материал. Ремонт двигателя преподавал мужчина богатырского сложения, стройный, заносивший на второй этаж школы из гаража, находящегося далеко во дворе, двигатель в сборе с коробкой передач автомобиля ГАЗ-ММ (полуторки). Позже, учась в лесотехническом техникуме, я с ним встретился на мосту через реку Сылву. Он располнел и сказал мне, что это нездоровая полнота и что он болеет. И, действительно, он умер. В 1948-м году я поступил в Кунгурский лесотехнический техникум, тоже без экзаменов на лесозаготовительное отделение - сокращённо "ЛЗО". Собирался поступить на отделение "Водного транспорта леса", но группа оказалась переполненной и зачислили на "ЛЗО". На жительство определили в общежитие, находящееся на противоположном берегу реки Сылвы на горе, техникум располагался на правом берегу, на одной стороне улицы имени Воровского 35, а общежитие на улице Октябрьской 27, вблизи старинной церкви из красного кирпича, позже превращённой в кинотеатр "Октябрь". Директором техникума был Иван Павлович Сергейчик, с сутуловатой фигурой, с редкими светлыми волосами, со спокойным характером, говоривший с белорусским акцентом и часто повторяющий: "понимаете ли". Его жена, Наталия Платоновна, сильно располневшая шатенка, преподавала немецкий язык. Жили они на 2-м этаже техникума с противоположной стороны от входа в учебный корпус. Держали крупную немецкую овчарку, Негуса, с которой Иван Павлович ежедневно прогуливался. Математику преподавал Георгий Владимирович Колегов, спокойный, уверенный в себе, очень доброжелательный и внимательный к людям человек. Его жена, Ольга Васильевна, преподавала химию. Физику преподавал нам, только что демобилизовавшийся, Николай Сергеевич Воронцов, с бородкой и усами, в полувоенной форме, он напоминал, позже увиденную мной фотографию академика Курчатова. Он, порывистый в движениях, импульсивный, с высоким мнением о себе, нелестно упоминавший мимоходом других преподавателей. Технологию металлов и черчение преподавал Михаил Михайлович Весико, в прошлом эвакуированный инженер Новокраматорского металлургического завода. Небольшого роста, лысоватый, с обожжённым розовым в пятнах лицом. Всегда внимательный и спокойный, умный инженер. "Водный транспорт леса" преподавал Михаил Георгиевич, которого водники уважали за его доброту. У "ЛЗО" его программа была сокращённой, но и мы его уважали не менее "Водников"! На первом курсе русский язык и литературу нам начал преподавать Мусин-Пушкин, он бывший эвакуированный, вскоре выехавший на свою родину, кажется в Ленинград. А постоянным преподавателем русского языка и литературы была Раиса Алексеевна Пацук, а её муж преподавал русский язык и литературу в Маштехникуме я у него там учился полгода. Раиса Алексеевна приветствовала.

Наши попытки в стихотворчестве, чем многие занимались от скуки в общежитии. На первом курсе нас поселили на первом этаже 2-х этажного общежития, в комнате на 7 кроватей с 7-ю тумбочками, со столом и стульями посередине комнаты. На 2-м курсе дали комнату на 5 человек, далее состав жильцов сохранялся постоянным на 3-м и на 4-м курсах. Первым и самым близким товарищем в период учёбы был Аркадий Петрович Семенищев. Мы с ним и его

товарищем Мишей Субботиным поступали вместе в Маштехникум. Миша бросил учёбу раньше, а за ним, получив травму, ушёл Аркаша. Он жил около разъезда Курашинского, что около Ж/Д станций: Кукуштан и Курашим и ездил в город Кунгур на товарных поездах, как придётся и часто стоя на вагонных буферах. Он мне ничего не говорил о своём предпочтении к железнодорожным шинелям, но я догадывался, что это для маскировки под железнодорожника, чтобы избежать лишних инцидентов при поездках. Вот при толчке, его нога соскользнула и попала между вагонных буферов и пятаку раздавило. Он долго хромал, но вылечился и хромать перестал. Вот мы с ним, как давние друзья, встретились в лесотехническом техникуме и жили в одной комнате, как и в общежитии маштехникума. Он был удивительно фотогеничным. Все его фотографии представляли его красавцем, хотя в жизни он был довольно средним представителем мужского населения. Учился он неплохо, а по окончании техникума ему повезло, леспромхоз, куда он был прислан на работу, вскоре направил его в институт на 2 года и он получил диплом инженера. А, вступив в партию, оказался в Кунгурском райкоме в должности инспектора, а 1-м секретарём Райкома в это время был Ладыгин, тоже бывший учащийся маштехникума, в одно с нами время, только в другой группе. Году в 1961-62, мы с Аркадием встретились. Он был женат на красавице брюнетке и уже имел в Кунгуре свой небольшой домик. И у них уже были дочери, кажется две. Домик находился недалеко от кожкомбината.

Он уже имел мотоцикл ИЖ-49 с самодельной коляской. В 1963 году я выехал на жительство в Саратовскую область и мы больше не встречались. С остальными жителями нашей комнаты были ровные товарищеские взаимоотношения. Это были:

Калашников Вячеслав, Филиппов Борис, Полушкин Анатолий и Зыков Григорий. Полушкин А. - умер в период каникул, дома от аппендицита, после окончания 3-го курса техникума. Толя жил далеко от г. Кунгура, так же, как и Гриша Зыков, вот поэтому они даже по праздникам, уж не говоря о выходных, не ездили домой, а посещали все городские спортивные программы: эстафеты лыжников, конные бега на льду реки Сылвы и др. мероприятия. И всё нам, ездившим домой, рассказывали. В летнее время в горсаду бывали эстрадные концерты, а в зимнее - там ставили большую ёлку и из снега ваяли животных и зверей, располагавшихся вдоль аллей и устраивали иллюминацию. Вот это всё они видели и в подробностях рассказывали. А в своём захолустье, Толя даже не смог получить медицинскую помощь. В то время даже более близкорасположенные деревни не имели электричества. В совхозах были свои агрегаты, дающие электричество, двигатель от трактора СХТЗ-НАТИ, или С-80, крутил генератор. В 12 часов ночи глушили двигатель. А обслуживающий тракторист, чтобы засветло дойти домой и успеть поужинать при свете, закрывал краник от бака с горючим, бежал домой и успевал поужинать, пока выработается горючее в трубке, а двигатель глох без надзора. Это, конечно, могло привести к несчастью. Двигатель от недостатка топлива мог чихнуть и выбросить огонь и пожар сожрал бы всё: и двигатель с генератором, и второй запасной агрегат, и сам сарай - помещение эл. станции, но пока этого, к счастью, не случилось в данном совхозе. Продолжая об учёбе, надо сказать, что мы все готовились старательно. Много было хлопот с чертежами по черчению. Натаскали чертёжных досок и на одном столе старались примоститься или переносили на кровати и чертили тушью свои задания. Но в лесотехникуме было намного проще с черчением, чем в маштехникуме. Там был чертёжник старой закалки, работавший ещё при Демидове. Он был очень требователен и много девушек, поступивших в техникум, бросали учёбу из-за черчения. У нас же, в лесном, появился преподаватель 2-х предметов машиноведения и

электротехники, по имени Иосиф Абрамович Лифляндский, с одной деревянной рукой, кажется левой. И началось что-то невообразимое. Он стал писать на доске во всю стену, выводы формул. Испшет доску, мы перепишем, а он сотрёт написанное и продолжает вывод формулы, второй раз испсав доску. Начальству никому до этого нет дела, а он сел, как говорится, на свой конёк, и выкаблучивается. Ведь важно знать формулу, а с выводом достаточно познакомиться, а заучивать его наизусть, это идиотизм. И вот он года 2 работал в техникуме, пока его не обнаружило МВД, он оказывается крупный аферист и находился во всесоюзном розыске, а в городе не прописывался, прописался в деревне Сылвинской, километрах в 3-х от города, но его нашли и там. Был очень хитрый еврей. Он много крови попортил учащимся - наглец! Наверно и руку себе отстрелил, чтобы на фронт не попасть. Предмет геодезию преподавал, как и физику, Н.С. Воронцов и практику по геодезии вёл тоже он, недалеко от техникума, на пустыре. Лесоводство преподавал директор техникума - И.П. Сергейчик. Этот предмет, как и таксацию леса, надо было включить в 4-ый курс, а проходили его на 1-ом и к 4-му всё забыли. Остались только некоторые названия в памяти. Кто составлял такую программу? Непонятно! Ещё специальный предмет: таксация леса. Его вёл завуч Семён Родионович Поздеев, живший с семьёй на втором этаже общежития. Он невысокого роста, коренастый с каштановыми волосами и широкой бородой и с усами, с добрым характером, спокойный, обстоятельно излагающий материал урока и всего предмета. Под его руководством мы проходили две практики: первую по лесоводству - в лесу, в урочище «Ягодкино», это по Сибирскому тракту в сторону Свердловска, ныне Екатеринбурга, километрах в 15 от города Кунгура, влево от посёлка Садоягодное. Там мы проводили сплошной перечёт деревьев на выделенном участке леса, т. е. определяли на корню запас древесины в растущем лесу. Специальным инструментом, подобном штангенциркулю, но деревянным, измерялся диаметр ствола на высоте груди, заносился в тетрадь и затем, вернувшись в лагерь, по таблицам определялся запас древостоя. Вторую практику мы проходили в Бизярском ЛПХ (леспромхозе). Там участвовали в молевом сплаве древесины, т. е. отдельными брёвнами. Разбирали заторы на реке Бизяр. Это видеть очень интересно. Сама река запруживает себя, ставя брёвна торчком и вкось и вкривь. А сплавщики бегают по плавающим брёвнам, как циркачи. На случаи купания, заготовлена водка. Пословица: "лес - дело тёмное, а сплав - дело пьяное",- соответствует этому. Ещё о преподавателе Семёне Родионовиче: он многому нас научил в лесном деле и был очень добрый хороший и всеми уважаемый человек. Там в Бизярском ЛПХ, я присутствовал при встрече Семёна Родионова и лесничего по фамилии Привалов. И вот через 17 лет, зайдя в Энгельсский мехлесхоз, увидел этого человека там, тоже в должности лесничего. Удивительная жизнь! Весь период учёбы мы обедали в техникумовской столовой, расположенной в полуподвальном помещении в здании техникума. Повар, Михаил Иванович, соответствовал изображениям на картинках: толстяк с животом, с красным лицом, в белом колпаке и белом халате. Обеды всегда были вкусными. А проходя из техникума в общежитие, у сылвинского моста на левом берегу Сылвы, в ларьке от мясокомбината, всегда были горячие пирожки с ливером по 45 копеек (до денежной реформы) и ставшими по 5 копеек (после реформы). Ну очень вкусные! А на правом берегу у моста была пивная, где всегда было свежее пиво отличного качества. В ларьке у пивзавода пиво всегда было самым лучшим, мастер пивовар был ещё краснее и толще нашего повара Михаила Ивановича. К нам в общежитие довольно часто приходили завхозы пивзавода, хлебокомбината, мельницы и приглашали поработать на погрузке и разгрузке грузов, прибывающих в ж/д вагонах по проложенным линиям к этим организациям. И были ребята,

постоянно там подрабатывающие себе на питание, и я ходил, когда не оказывалось на месте постоянных тружеников. Я назвал не всех преподавателей: по экономике и бухгалтерскому учёту - 1 преподаватель; по машиноведению и электротехнике -1; по деталям

машин, черчению, механике - 1; по геодезии и физике -1; по слесарному делу - 1.

По сухопутному транспорту - 1; по водному транспорту -1; по станкам и механизмам -1.

По технологии лесозаготовок -1 преподаватель. Во дворе техникума был гараж и автомобили: 4 грузовых и 1- легковой. Грузовые а/м ЗИС-150 -2шт. ЗИС- 5 - 1. ГАЗ - 51 - 1. А легковой был - «Москвич-401». Во дворе же располагалась кузница и склады постельного имущества. Запас горюче-смазочных веществ был в квартале от техникума, там же была заправка.

Техникум содержал лошадь и сантехническую повозку, которую обслуживал штатный коновозчик, очищающий выгребные ямы. В штате были 2 шофёра, завхоз, комендант и кастелянша. И один или два рабочих. Отделений в техникуме было три:

1) «ЛЗО» - лесозаготовительное. 2) «ВТЛ» - водного транспорта леса; 3) «ПЭО» - плано-экономическое отделение. Групп учащихся было по 2, в каждом отделении. В 1956-ом году было открыто заочное отделение, а затем и вечернее отделение. В послевоенное время многие стремились наверстать упущенное и шли учиться. В городе Кунгуре, кроме лесотехнического техникума, для граждан, не имеющих за плечами 7-и летки, открыли лесотехническое училище, выпускающее начальников ЛЗП (лесозаготовительных пунктов); механиков ЛЗП; трактористов трелёвочных тракторов; бензо- и электро-пильщиков и др. Тем помогая лесозаготовительным предприятиям - леспромхозам, присылающим на учёбу своих людей. Окончившие техникум люди, могли пойти учиться в Уральский лесотехнический институт, находящийся в г. Свердловске. Туда принимали и на заочное отделение, филиал его находился в Кунгурском лесотехническом техникуме. Я поступил туда в 1960-61 гг. и проучившись 2 года, в связи с выездом в Саратовскую область, прервал учёбу. Хотел перевестись в Саратовский институт «Механизации сельского хозяйства», но промешкал, вовремя не поступил и отстал, а нагонять не стал. Вот так не случилось закончить ВТУЗ.

Продолжение учёбы.

По приезду в Саратовскую область, село Красный Яр, Энгельсского района, я поступил на заочные курсы повышения квалификации шофёра на 2-й класс в школу механизации г. Саратова, что была расположена на ул. Большой Горной, вблизи перекрестка улиц Б. Горной и М. Горького, там рядом когда-то была кирпичная церковь. Этот мой шаг был встречен в штыки заведующим Межколхозной мастерской Н.Я. Гостининым. Он заявил, что им не нужен шофёр 2-го класса. А я работал токарем в этой мастерской, обслуживающей 3 колхоза и токарей было 3, а станков - 2. Я выезжал только на сдачу экзаменов, а все работы отправлял по почте, т. е. особо не отрывался от работы токарем. Но все быстро успокоились, а я получил удостоверение шофёра 2 -го класса, но попользоваться им не удалось. Я с семьёй в 1969-ом году выехал в Абхазию на строительство перепадных гидростанций на реке Ингури и, закончив строительство, в 1972-м году мы вернулись в село Красный Яр, я поступил шофёром в среднюю школу, где мне понадобилось это удостоверение для повышения шофёрского оклада. Я знал, что оно лежало в большом деревянном сундуке, во встроенной полочке-ящичке с

крышкой, но там его не оказалось, а съездить за дубликатом, так и не собрался, т.к. вскоре перешёл работать заведующим учебной мастерской в Саратовскую школу мастеров сельского строительства, находящуюся в селе Красный Яр. В 1975-м году я перешёл работать оператором по добыче нефти и газа в Заволжское нефте-газодобывающее управление, а в 1977-м году перешёл в открывшуюся в Заволжье мелиорацию, обслуживающую все окрестные колхозы и совхозы - на станцию № 6. Вот в связи с переходом в нефте-газодобычу, прошёл курсы в городе Энгельсе, располагающиеся в бывшей тюрьме, на угловом повороте из центра к мосту через Волгу. А в мелиорации тоже прошёл курсы в здании конторы, расположенной неподалёку от СХИ в городе Энгельсе. В период с 1977г. по 1980г, я закончил Марковский техникум механизации сельского хозяйства, отделение «Промышленное и гражданское строительство» и получил второй диплом, после Кунгурского «ЛЗО». В 1981-ом я перешёл работать слесарем-сантехником в Приволжские электросети, где проработал 9 лет, без прохождения курсов. Вот так учёба продолжалась всю жизнь. И уже находясь на пенсии приобрёл компьютер со всеми причиндалами: принтерами струйным и лазерными двух видов, опять пришла учёба. А приобретя карманный телефон, снова учёба. Вникая, понимаешь, как вымогательски настроены все эти новшества. Дошло ведь до настоящего безобразия: отправляют владельцам телефонов, так называемые "СМС"-ки, не спрашивая, нужны ли они людям, а деньги со счёта снимают. Сто рублей положишь сразу с вычетом и далее никуда не звонив, через неделю- две, уже денег нет, испарились! А сообщают, что входящие звонки бесплатны! В компьютере у меня уже два интернет-адреса пропало: на Рамблере и на Яндексe, а это утрата адресов, некоторых навеки! Это такой удар ниже пояса, за который нужно отвечать. Но царит безответственность! А реклама на ТВ вторгается с утроенной громкостью в любое время суток. Им нужны дармовые деньги - вот и всё! Собирают массовые собрания, а об этом ни звука. Нажива!